

В период средневековья смысл жизни был заключён в служении Богу, стремлении к вечной жизни. Главной целью являлось попадание души в рай и постоянное там её пребывание. Никогда человек так не любил жизнь, как на исходе средневековья. История искусств дает тому косвенное доказательство. Люди этого времени, страстно привязанные к вещам, противились мысли об уничтожении и исчезновении. Поэтому они должны были по-новому ценить изображение вещей, дающее им как бы новую жизнь. Так родилось тогда искусство натюрморта - запечатления неподвижных, застывших вещей, дорогих человеческому сердцу.

А.В. Канцдалова

Научный руководитель: Л.Ф. Луцук, БрГУ им. А.С. Пушкина, г. Брест

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ НАТУРФИЛОСОФИЯ: ЭЛЕМЕНТЫ ГЕНИАЛЬНЫХ ПРОЗРЕНИЙ

Мегарская школа (г. Мегары) возникла в конце V – начале IV вв. до н.э. Ее виднейшие представители – Левкипп и Демокрит – создали атомистическое учение, получившее развитие в работах их последователей – Эпикура и Лукреция (Тит Лукреций Кар). Демокрит полагал, что природа не однородная стихия, а дифференциальна: делится на множество частей, но при этом: не беспредельна; предел - это атом (от греч. *atomos* - неделимый). Демокрит утверждал: «Атомы настолько малы, что их невозможно ни потрогать, ни взвесить». Ссылаясь на своего учителя Левкиппа, он рассуждал так: «Почему должны существовать атомы? Всякую вещь можно разделить на части, а всякую часть – на еще более мелкие части и так далее. Если процесс деления не ограничен, тогда любой кусочек тела (вещества) должен состоять из бесконечного числа частей. Но тогда никакой кусочек вещества не смог бы образоваться, потому что для соединения бесконечного множества частиц необходимо бесконечно много времени, т.е. вечность, а значит, это невозможно никогда».

Таким образом, тела состоят все-таки из конечного числа частиц, и значит, есть мельчайшая неделимая частица, являющаяся основой всех вещей. Демокрит назвал эту частицу атомом. Если же макротело есть результат суммирования огромного, но конечного числа элементов (атомов), то свойства тела должны быть присущи и каждому элементу тела, а эти свойства, в свою очередь, определяются: весом, размером, формой (фигурой, внешним видом).

Действительно, атом обладает всеми этими свойствами:

- 1) имеет атомный вес;
- 2) имеет размер (радиус внешней орбиты электронов);
- 3) атомы выглядят очень по-разному, особенно при взаимодействии с другими веществами, т.е. в соединениях.

Демокрит утверждал, что нет ничего случайного, все закономерно, поскольку это следствие упорядоченного и закономерного движения атомов.

Парменид полагал, что пустота невозможна, исходя из принципа тождества бытия и мышления: «мыслить и быть - одно и то же», «одно и то же мышление и то, о чем мысль». Мысль никогда не может быть пустой («без сущего»); ее полноте должна соответствовать «наполненность» сущим универсума: пустота («не-сущее», «то, чего нет») – невозможна. Из «есть» с необходимостью выводятся все характеристики истинно сущего: оно «не возникло, не уничтожимо, целокупно, единственно, неподвижно и нескончаемо (во времени)». О нем нельзя сказать «было» или «будет», «так как теперь оно есть все вместе, одно, сплошное». Оно «неделимо» и совершенно однородно, так как признание неоднородности или дискретности потребовало бы допущения пустоты («того, чего нет»), оно вечно пребывает на одном и том же месте, «ни в чем не нуждается», лишено чувственных качеств и любых процессов изменения и, наконец, заключено Судьбой в границы идеальной «сферы», «повсюду уравновешенной от центра».

Отвергается путь в небытие, никуда не ведущий, т. е. просто не-путь, беспутица. Здесь нечего искать, ибо нет искомого, что можно было бы иметь в виду (мыслить) и о чем можно было бы говорить. Отсюда первое основоположение Парменида: есть только бытие, небытия нет. Остается путь, ведущий к бытию, очищенному от всякой примеси небытия. Путь, указуемый бытием, содержит много указаний о самом бытии. Оно не рождается (из небытия) и не гибнет (в небытие), не различается в себе, не изменяется, не протекает во времени, а все целиком сразу единое и неделимое пребывает в покое, замкнутое в себе и отделенное от небытия нерушимыми пределами. Бытие у Парменида не теряется в неопределенной беспредельности (как у Мелисса), а схватывается мыслью в полноте присутствия, вместе с пределами, что передается образом сферы, шара бытия в ночи небытия. Парменид формулирует основание греческой онтологии вообще: бытие всего сущего (всего и каждого) заключено в пределах — в форме, виде, образе.